

Казнь великого Насими.

Видения перед смертью

В литературах Ближнего Востока издавлялись идеи гуманизма, возмечивался человек, достойный земного истинного счастья. Еще в XII веке прославленные мастера азербайджанской поэзии Низами и Хагани размышляли о судьбах человечества, о высоком жизненном назначении человека, вдохновенно воспевали его как существо самое совершенное и прекрасное. В своих романтических произведениях они изображали человека, способного творить чудеса, разгадывающего тайны вселенной.

Великий поэт Имадедин Насими, называя человека творцом мира, существом изначальным и вечным, призывал его освободить свой разум от рабства и познать собственное могущество. Духовный наследник великого Низами, он утверждал и проповедовал прогрессивные идеи своей эпохи, неустанно боролся за свои убеждения и на этом пути, выдержав неимоверную тяжесть испытаний, мужественно принял смерть.

Здесь надо особо подчеркнуть, что в эту эпоху пассивный, а иногда и активный протест против религии ислама получил широкое распространение в странах переднего Востока, Средней Азии, Азербайджане, Турции, Иране. Особенно много приверженцев имел суфизм, представители которого по-своему толковали Коран, утверждая, что его истинная сущность извращена исламской религией. Эти сектантские толки ислама были связаны с настроениями крестьянских масс и трудового населения городов, страдавших от феодального гнета и притеснений завоевателей. В XIII и XIV веках по всему Востоку вспыхивали народные восстания.

Насими практически постоянно подвергался гонениям в городах, где он распространял идеи хуруфизма. Свою смерть он нашел в городе Халебе (Алеппо, Сирия), который в то время был подчинен египетским мамлюкам.

В Халебе поэт находил своих сторонников и начинает широко распространять хуруфитское учение. Возможно, что сюда съезжались хуруфиты, преследуемые в Баку и Шемахе. Обосновавшись в Халебе, поэт, по всей вероятности, в течение многих лет жил здесь со своей семьей.

Открытая пропаганда Насими своих взглядов тревожила его ближайших

сподвижников. Деятельность Насими не остается незамеченной ни духовенством города, ни султаном Египта Муаййадом. В 1417 году Насими был арестован, осужден и предан в Халебе мучительной казни.

В одном из арабских источников - "Куруз-уз-захаб" о смерти поэта говорится следующее: "Вероотступник Али Насими был казнен во времена Йашбека (правитель Халеба). В то время в "Дар-уль-адал" (Дворце правосудия) в присутствии нашего шейха Ибн Халиба а-Насири и наиба (наместника) верховного кадия шейха Иззуддина Шамсуддина Ибн Аминуддова, верховного кадия Фатхуддина аль-Малики и верховного кадия Шихабуддина аль-Ханбали рассматривалось дело (об Али аль-Насими).

Он сбил с пути истины некоторых безумцев, и они в ереси и безбожии подчинились ему. Этот вопрос был поднят перед кадиями и богословами города неким Ибн аль-Шангаш Аханафи. Судья ему сказал: "Если это ложь, ты заслуживаешь смерти. Докажи, что сказанное тобой о Насими - правда, и я не казню тебя". Насими произнес: "Кельме-и-шахадег" - то была клятва в том, что сказанное о нем - навет, ложь. В это время появился шейх Шихабуддин Ибн Хилал.

Заняв почетное место в медресе, он заявил: "Насими - безбожник и должен быть казнен".

Ибн Хилал спросил: "Почему же не казните?". Аль-Малики ответил на вопрос вопросом: "Напишешь ли ты приговор собственноручно?".

Тот сказал: "да" и написал приговор, с которым тут же ознакомил присутствующих. Но они с ним не согласились.

Аль-Малики возразил: "Кадии и богословы не соглашались с тобой. Как я могу казнить его на основе твоих слов?".

Йашбек сказал: "Я его не казню. Султан поручил мне ознакомить его с делом. Подождем приказа султана".

На этом медресис разошелся. Насими остался в темнице. О деле Насими было доложено султану Муаййаду и вскоре последовал приказ содрать с поэта кожу и выставить в Халебе для всеобщего обозрения в течение семи дней, потом обрубить ему руки, ноги и отправить Алмбеку Ибн Зульгадару, его брату Насируддину и Осману Гарайолуку, которые тоже под влиянием Насими сблизился с пути. Так и сделали. Этот человек был гяуром и мухамедом (богоотступником). Упаси боже, говорят, у него есть тонкие стихи".

Из этих сведений явствует, что поэт был казнен не только за свои убеждения, но, возможно, еще из политических соображений. Они раскрывают все подробности трагической гибели поэта. Выясняется, что халебское духовенство далеко не случайно обсуждало вопрос Насими на медресисе.

Возможно, этот медресис собрался по поручению султана Муаййада, стоявшего в то время во главе Египетского государства мамлюков. И не потому ли, пока он затребовал дело Насими и ознакомился с ним, поэта держали в темнице. Наконец, издав приказ о мучительной казни поэта с указанием - отослать отрубленные руки и ноги казненного своим политическим противникам, султан преследовал мистическую цель убедить их в обреченности их планов.

Существует также ряд преданий о смерти Насими. Вот одно из них:

Однажды в городе Халебе некий молодой хуруфит громко читал стихи Насими. Содержание стихотворения привлекало внимания духовенства. Хуруфита, читающего газель, арестовали.

Чтобы не выдавать автора стихов, читавший заявил, что написал их сам. По решению духовенства его приговорили к смертной казни через повешение.

В это время Насими находился у сапожника, который чинил ему обувь. Узнав о случившемся, поэт поспешил к месту казни и, заявив, что стихи принадлежат ему, добился освобождения молодого человека.

Духовенство Халеба, узнав, что Насими - приверженец хуруфизма, вынесло решение содрать с него живую кожу. Обреченный на мучительную смерть поэт не отрекся от своих убеждений, во время пытки, истекшая кровью, он громко произнес: "Я - бог", "Истина - я". Взбешенные стойкостью и мужеством поэта, издаваясь над ним, богословы задали ему вопрос - Ты же бог, почему же, по мере того, как уходит из тебя кровь, ты желтеешь?

На это Насими ответил: - Я солнце любви, поднявшись над горизонтами вечности. А на закате солнце всегда желтеет.

В этом предании говорится и о том, что подписывающий подписывая приговор о казни поэта, религиозный служитель заявил: "На этом человеке проклятие, и если хоть капля его крови упадет на кого-нибудь, то часть тела, ею оскверненную, необходимо отрубить и выбросить".

Совершенно случайно во время казни поэта капля его крови брызнула на палец того самого служителя. Народ стал требовать, чтобы он отрубил себе палец. Испуганный священнослужитель стал тогда уверять, что его слова - иносказание, отказавшись лишить себя пальца.

В этот момент залитый кровью поэт насмешливо произнес: "Если отрубить палец захиду (священнослужителю), то он отвернется от правды. Посмотри, с этого истинно влюбленного в истину (правду) сдирают кожу, и ему не больно".

Так, умирая, Насими одержал моральную победу над своими идейными противниками, мужественная смерть Насими, его творчество, исполненное великой любви к человеку и великой веры в его могущество, творческие силы - все это сделало имя его бессмертным для последующих поколений и даже для тех, кому были чужды его взгляды.

Между тем в диване Насими имеется ряд стихотворений об ожидаемой поэтом собственной трагической

смерти. В них говорится о казни, о том, с него сдирают кожу. Может показаться, что эти стихи написаны не самим поэтом, а кем-то другим после его смерти. Однако из упомянутых источников мы уже знаем, что когда был вынесен приговор содрать кожу с живого поэта, приговор не сразу был приведен в исполнение.

Правитель Халеба направи материалы суда и приговор на утверждение главе государства египетских мамлюков султану Муаййаду. До получения султанского приговора поэт находился под арестом в халебской темнице. В это время Насими и написал ряд стихотворений ["Стихотворений узника"], отразивших переживания мужественного и стойкого человека перед казнью. В этих произведениях слышится гордый голос бесстрашного поэта, бросающего вызов самой смерти. Опережая события, Насими описывает то, что предстоит ему пережить, говорит, что его не страшат никакие муки и что он готов вытерпеть любые страдания.

О душа моя, все, что от тебя (влюбленные) переносят, не больно,

Бог знает, что ради одной радости переносят тысячи огорчений и не бывает больно. Ударил я сосуд (сердце) свой об камень и раскрыл истину,

Если от нее и будет больно незрячим, то не будет больно зрячим.

Из-за выдумки (козней) захида несправедливо содрали с меня кожу,

Бог знает, о шах мой, что ради тебя просорванным не бывает больно.

Если отрубить палец захиду, то он отвернется от правды.

Посмотри, с этого истинно влюбленного в истину (правду) сдирают кожу, и ему не больно!

Последние строки этого стихотворения, впоследствии были восприняты как стих, произнесенный Насими во время казни, в осмеяние трусливого захида, на палец которого брызнула капля крови поэта. Именно в таком осмыслении этот байт вошел в народные предания и передавался из уст в уста.